

Запись с камер наблюдения была нечёткой, но можно было разглядеть, как Жун Юэ проехал на велосипеде, а затем, замедлившись на перекрёстке, внезапно на него набросился крепкий мужчина. Тот стащил его с велосипеда и бросил на землю. Жун Юэ попытался сопротивляться, но из ближайших переулков выбежали ещё трое. Они набросились на него, оглушили и, подхватив, бросили в машину, которая тут же умчалась.

В конце записи остался только велосипед, лежащий на земле, с едва вращающимися колёсами.

Лица Шэнь Мяня и Жун Хуая мгновенно побелели.

Ах, я больше не могу, я умру.

Каждый раз, когда на записи кто-то наносил удар Жун Юэ, сердце Шэнь Мяня сжималось так сильно, что казалось, вот-вот разорвётся.

Глаза Жун Хуая горели яростью.

Лица всех четверых нападавших были зафиксированы камерой, и полиция немедленно начала действовать. На следующий день всех задержали.

Увидев их, Шэнь Мян не смог сдержать гнева. Он бросился к одному из них, схватил за воротник и изо всех сил ударил. Тот опешил, попытался ответить, но стоявшие рядом полицейские тут же разняли их. В ходе схватки очки Шэнь Мяня упали на землю. Без прозрачного стекла его взгляд, полный ненависти, казался ещё более пугающим.

— Зачем вы похитили моего сына! — закричал Жун Хуай.

— Мы разберёмся с этим, — тут же вмешались полицейские.

Шэнь Мян всё ещё хотел наброситься на них, но его эмоции были настолько нестабильны, что даже Жун Хуай не выдержал и удержал его. В суматохе он помог подобрать разбитые очки.

Полиция быстро завершила допрос.

— Они признались. Говорят, что их наняла эта женщина, — полицейский показал фотографию.

Увидев лицо на снимке, оба мужчины побледнели ещё больше.

Мрак заполнил всё вокруг.

Когда Жун Юэ очнулся, он почувствовал, что всё тело ломит от боли. Он попытался пошевелиться, но не смог. Когда сознание полностью вернулось, он понял, что его крепко привязали к стулу, а глаза завязаны чёрной тканью.

Вокруг царил полная тишина.

Он стал вспоминать. Утром, проезжая через переулок, его стащил с велосипеда человек, вдвое крупнее его. Затем кто-то ударил его по голове, и, прежде чем он успел что-то предпринять, к его носу прижали платок. Он мгновенно потерял сознание.

Теперь, очнувшись, он ничего не понимал.

Жун Юэ молчал, тихо дыша.

Он оставался неподвижен, пока порыв ветра не донёс до него запах духов.

Резкий запах духов.

Он по-прежнему молчал.

Спустя некоторое время в помещении раздались шаги. Они были ровными и размеренными, пока не остановились прямо перед ним. Внутри Жун Юэ всё ещё не было ни малейшего волнения. Затем он почувствовал холодное прикосновение к щеке — кто-то коснулся его лица. Прикосновение было странным: сначала лёгкое, почти ласковое, но затем сила увеличилась, словно рука хотела разорвать его кожу.

— Ах, — даже если он не боялся, боль в теле была невыносимой.

Его стон дал понять, что он очнулся, и рука тут же отпустила его.

Помещение снова погрузилось в тишину.

Жун Юэ знал, кто это был.

Но она молчала, и он тоже молчал.

Не видя света, не зная времени, Жун Юэ не мог понять, сколько уже прошло.

Его дух был непоколебим, но тело оставалось телом обычного мальчика. Его заставляли сидеть, не развязывая, не давая ни еды, ни воды. Он не мог видеть, не мог знать, сколько времени прошло, и, вопреки его воле, тело издавало звуки боли.

— Я думала, ты действительно деревянная кукла, — холодно усмехнулась женщина. — Но оказывается, нет.

Жун Юэ назвал её имя:

— Хэ Юнь.

Хэ Юнь взяла что-то и грубо засунула ему в рот. Это был шоколад. Крайне голодный Жун Юэ проглотил его, но шоколад был сухим, и ему хотелось пить. Однако Хэ Юнь не обратила на это внимания.

В темноте слух Жун Юэ обострился. Он услышал, как стул заскрипел, и кто-то сел напротив него.

— Когда я впервые встретила Жун Хуая, он был так нежен со мной.

Жун Юэ не хотел её разочаровывать. Его отец был нежен со всеми.

— У меня был скверный характер, но он терпел меня. Хотя я думала, может быть, это потому, что я дочь его начальника. Но в этом мире нет человека добрее его.

— Поэтому я думала, что я особенная.

— Пока я не увидела твою мать.

— Но твоя мать была сумасшедшей. Жун Хуай любил её, но и боялся её. Пока она была жива, я

могла это понять. Но теперь она мертва, скажи мне, почему мы не можем быть вместе?

Жун Юэ позволил ей изливать свои эмоции, не произнося ни слова. Хэ Юнь, увидев его равнодушие, разозлилась. Она схватила его за волосы, и Жун Юэ почувствовал, будто кожу головы срывают.

— Говори!

Жун Юэ продолжал молчать.

Хэ Юнь окончательно вышла из себя. Она пнула его, и он упал на пол. Затем она начала бить его ногами и руками.

Боль охватила Жун Юэ, и, хотя он изо всех сил старался оцепенеть, не мог сдержать стонов.

— А-а-а!

— Я сказала, говори! — она была в ярости.

Она требовала, чтобы он заговорил, и Жун Юэ наконец подчинился.

— Однажды мне приснился сон.

Хэ Юнь тут же остановилась.

Жун Юэ, всё ещё привязанный к стулу, не мог пошевелиться.

— Во сне я была маленькой девочкой. У меня было двое друзей, и мы были счастливы и невинны. Но время разлучило нас. Когда мы выросли, мы наконец смогли решить свою судьбу и встретились в чужом городе. Но как только мы увидели друг друга, я поняла, что один из нас изменился. Она была совсем не такой, как в детстве. Она стала меркантильной, пошлой. Я боялась и сопротивлялась. Другая девочка тоже сопротивлялась, и она уговорила меня отстраниться от неё.

— Что ты хочешь этим сказать? — Хэ Юнь не понимала его.

Жун Юэ откашлялся и продолжил:

— Когда я проснулся, я почувствовал только отвращение. Не только к себе во сне, но и к той девочке. Но больше всего мне было противно это мирское общество.

Вспоминая этот сон, Жун Юэ понял, что он не так уж далёк от реальности.

— Проснувшись, я понял, что этот мир зол. Идея о том, что время и мир делают тебя лучше, — это обман. Именно этот мир сделал ту девочку такой, что она стала чужой в этом мире, хотя она хотела в него вписаться.

Он не видел Хэ Юнь и не знал, как она отреагировала на его слова. Но раз она заставила его говорить, он продолжал:

— Любой, кто пытается вписаться в этот мир, становится его рабом. А рабы всегда теряют контроль. Но моя мать была другой. Вы называете её сумасшедшей, но она действительно освободилась от оков мира. Она была собой, жила так, как хотела, и от рождения до смерти не знала боли. А ты, изменённая этим миром, стала такой жалкой.

Он усмехнулся:

— И теперь ты несёшь эту жалкость, чтобы бросить мне вызов? Смешно.

— А-а-а! — Хэ Юнь больше не могла терпеть. Она бросилась к Жун Юэ, протянула руку и начала царапать его тело, словно хотела содрать с него кожу.

Жун Юэ почувствовал, что, возможно, умрёт.

Он не знал, сколько длилась эта пытка.

Снаружи внезапно раздались беспорядочные и торопливые шаги.

Звуки в темноте привлекли его внимание.

В помещении началась суматоха. Кто-то оттащил Хэ Юнь, кто-то развязал верёвки на его теле. Затем его обняли, и тёплые капли слёз упали на его лицо.

Жун Юэ моргнул.

Чёрная повязка с его глаз была снята.

Обычный свет для него сейчас был слишком ярким, и он вынужден был закрыть глаза, чтобы привыкнуть.

Человек, обнимавший его, дрожал, крепко прижимая к себе.

— Шэнь Мян? — Жун Юэ назвал его имя за секунду до того, как открыл глаза.

<http://bllate.org/book/16180/1451445>